

13. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 46–50.

14. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография. URL: http://shelestiuk.narod.ru/publications/Shelestiuk_Rechevoye_Vozdeistvie_1-1.pdf (дата обращения: 04.01.2016).

Об авторе

Татьяна Юрьевна Собко – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: tatjana.sobko@mail.ru

About the author

Tatyana Sobko, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: tatjana.sobko@mail.ru

37□

УДК 8:81'371

Е. В. Булатая

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕЯВНОЙ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Ирония рассматривается как способ репрезентации неявной оценки в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Анализируются лексические единицы, формирующие ироническую семантику высказываний при характеристике персонажей. Важное место отводится установлению соответствия экспликаторов иронии, использованных в оригинальном тексте поэмы «Мертвые души», и их эквивалентов в переводе на немецкий язык.

Irony is considered as a means to express implicit judgements in N. V. Gogol's poem Dead Souls. The author analyses lexical units comprising the ironic semantics of judgements about characters. Special attention is paid to comparing irony explicators used in the original text and the poem's translation into German.

Ключевые слова: художественный текст, неявная оценка, ирония, лексические единицы, значение, перевод.

Key words: literary text, implicit judgement, irony, lexical units, meaning, translation.

Особую популярность в современной лингвистической парадигме приобретают исследования художественного текста, связанные с выявлением и интерпретацией имплицитной информации, заключающей в себе авторскую оценку. Специфика имплицитной авторской оценки состоит в том, что она «создается особой текстовой организацией, включающей разного рода намеки и ассоциации» [3, с. 6]. В случае имплицитного выражения оценки оценочный иллокутивный акт совершается

опосредованно, с помощью другого, формально не оценочного [5, с. 55]. Одним из важнейших способов выражения неявной оценки в художественном тексте выступает ирония. Семантическая составляющая категории иронии основывается на противоречии буквального смысла слова или высказывания подразумеваемому, действительному смыслу. «Противопоставление в иронической фразе, — указывает О. А. Королева, — создает оценочную модальность субъективного характера» [2, с. 16]. Следовательно, ирония представляет собой оценочное, эмоционально окрашенное высказывание, в основе которого лежит имплицитная негативная оценка [4, с. 8–9].

В процессе распознавания и интерпретации иронии особое место отводится контексту, так как «ироническое высказывание реализуется в игровом пространстве, которое характеризуется обусловленностью ситуаций и замкнутостью» [2, с. 16]. Проблема декодирования иронии в художественном тексте усложняется в ситуации двуязычия, когда роль первичного адресата перенимает на себя переводчик, от которого зависит не только правильное понимание иронического смысла, созданного автором оригинала, но и подбор наиболее точных эквивалентов в языке перевода. Таким образом, как отмечает Л. В. Коковина, «при переводе художественных текстов очень важно учитывать, чтобы собственная креативность переводчика, его стилистико-тропологическая манера не пыталась оспорить авторскую...» [1, с. 55], а, напротив, способствовала сохранению сокровенных смыслов оригинала в тексте перевода.

Исследование иронии в произведениях Н. В. Гоголя заслуживает особого внимания, так как все творчество писателя характеризуется критически-ироническим отношением к общественной действительности XIX века. Мастерски используя иронию в поэме «Мертвые души», писатель выражает свою позицию относительно ее главных персонажей — помещиков, владельцев крепостных.

Скрытая авторская оценка каждого героя поэмы раскрывается с помощью иронических выражений, характеризующихся набором определенных лексических единиц. Проанализируем состав лексических средств, входящих в основу иронических высказываний и создающих имплицитную авторскую оценку художественных образов двух помещиков: Манилова и Собакевича.

Оценка помещика Манилова находит свое выражение в ироническом описании деревни, внешности персонажа, а также ярко представлена в его речи. В названии места проживания помещика уже присутствует скрытая авторская оценка. В основе оценочного существительного *Маниловка* лежит глагол *манить* с его переносным значением «звать лаской, посулами» (Сл. Даля), что служит намеком на то, что помещик Манилов — человек гостеприимный и располагающий к себе. Но автор иронично противопоставляет существительное *Маниловка* существительному *Заманиловка*, которое образовано от глагола *заманить*, имеющего значение «завлекать, вовлекать соблазнами, зазывать окольными способами» (Сл. Даля), скрыто указывая на то, что помещик только производит впечатление приятного человека. Ср.: «Она зовется так, то есть ее прозвание *Маниловка*, а *Заманиловки* тут вовсе нет. <...>

Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением» [6, с. 49]¹. В тексте перевода используется переводческая транскрипция имен собственных, глагол *заманить* передается с помощью эквивалентной лексики, но если в оригинале он является однокоренным словом лексемы *Маниловка*, то в переводе это сохранить не представляется возможным, что несколько ослабляет иронический смысл высказывания. Ср.: "Und das ist dann *Manilowka*, aber *Samanilowka* hat's hier überhaupt noch nie gegeben. <...> Die Lage des Dorfes *Manilowka* konnte wohl kaum auf jemand *einen Reiz ausüben*" [7, S. 25].

Отрицательные черты характера Манилова передаются автором опосредованно путем употребления лексики с положительной семантикой. Портрет помещика создается такими существительными, как *приятность*, *сахар*, прилагательным *сладкий*. Ср.: «...черты лица его были не лишены *приятности*, но в эту *приятность*, казалось, чересчур было передано *сахару*» [6, с. 51]; «— И знаете, Павел Иванович! — сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только *сладкое*, но даже *приторное*, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор заслал милосердно, воображая ею обрадовать пациента» [6, с. 57]. Лексемы *сладкий*, *сахар* приобретают в контексте экспрессивную окраску неодобрения и употребляются в переносных значениях: напр., *сладкий* — «льстивый, лицемерный» (Сл. Ожегова). Для усиления иронического эффекта автор использует еще и прилагательное с негативной семантикой *приторный*, употребленное в переносном смысле «излишне любезный, слащаво-сентиментальный» (Сл. Ожегова), противопоставляя его лексеме *сладкий*. В тексте перевода употребляется эквивалентная по значению лексика: *Anmut, Zucker, süß, übersüß*. Ср.: ...seinen Gesichtszügen fehlte es nicht an *Anmut*, doch in dieser *Anmut* war zuviel *Zucker* [7, S. 27–28]; "Und wissen Sie, Pawel Iwanowitsch! — sagte Manilow, und auf seinem Gesicht zeigte sich nicht nur ein *süßer*, sondern sogar ein *übersüßer* Ausdruck, so *übersüß* wie jene Mixtur, die ein mondäner Doktor unbarmherzig gesüßt hat, in der Annahme, damit dem Patienten eine Freude zu machen» [7, S. 34].

Авторская ирония прослеживается и в передаче речи Манилова, в частности, там, где помещик говорит о представителях городской власти. Основными экспликаторами иронии выступают здесь оценочные прилагательные в превосходной степени: *препочтеннейший*, *прелюбезнейший*, в образовании которых для усиления степени проявления положительного признака, кроме суффиксов, используется еще и приставка *пре-*, имеющая значение «очень»; прилагательные с наречием меры и степени *очень* и с восклицательной частицей *какой*. Ср.: «— А как вы нашли нашего губернатора? — сказала Манилова. — Не правда ли, что *препочтеннейший* и *прелюбезнейший* человек? — прибавил Манилов» [6, с. 55]; «— А вице-губернатор, не правда ли, *какой милый* человек? — сказал Манилов, опять несколько прищурился. <...> — Ну, позвольте, а как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что *очень приятный* человек?» [6, с. 56]. В немецком переводе используются эквивалентные

¹ Курсив в цитатах наш. — Е.Б.

лексические единицы *ehrenwertest, lebenswürdigst, was das für ein lebenswerter (Mensch), sehr nett*. Восклицательная частица *какой* передается в тексте перевода сочетанием слов *was das für* «что это за», что можно считать адекватной заменой. Ср.: "Und wie finden Sie unseren Gouverneur? — fragte Frau Manilowa. Nicht wahr, er ist der *ehrenwerteste und lebenswürdigste Mann, den es gibt?* — fügte Manilow hinzu [7, S. 32]. "Und der Vizegouverneur, *was das für ein lebenswerter Mensch ist, nicht wahr?* — sagte Manilow und kniff wieder etwas die Augen zusammen. <...> Gestatten Sie, und wie gefiel Ihnen der Polizeimeister? Nicht wahr, er ist ein *sehr netter Mensch?*" [7, S. 33].

40

Неявная оценка реализуется через описание автором расположения Манилова к Чичикову. Ирония репрезентируется здесь с помощью контекстуально синонимичных существительных и именных словосочетаний, в основе значения которых находится высшая степень удовольствия. Ср.: «А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили *наслаждение... майский день... именины сердца...*» [6, с. 55]. В тексте перевода используется эквивалентная лексика, причем слово *наслаждение* передается лексемой высокого стиля *Labsal* — «etwas, was jemanden erfrischt» (Сл. Дудена) («что-то, что кого-либо освежает, подкрепляет»), что усиливает иронический эффект. Ср.: «Und jetzt haben Sie uns endlich mit Ihrem Besuch beehrt. Das ist für uns einfach ein *Labsal, ein Maientag, ein Festtag für das Herz!*» [7, S. 32].

Таким образом, писатель с помощью употребления лексики, отличающейся яркой экспрессией положительного значения, характеризует Манилова как льстивого, беспринципного человека, пытающегося скрыть за пафосными изречениями всю пошлость своего характера.

Неявная авторская оценка весьма ярко представлена и в словесном портрете помещика Собакевича, что весьма наглядно выражается в ироничной характеристике его владений. Лексические средства экспликации иронии представлены здесь такими оценочными прилагательными, как *красный, темно-серый, дикий, военный, немецкий, крепкий, толстый, вековой*. Прилагательные-цветообозначения *красный* и *темно-серый* употребляются в описании одного и того же объекта — дома, при этом если первое прилагательное номинирует яркий и броский цвет, то второе, значение которого автор конкретизирует прилагательным *дикий*, употребляя его в переносном значении «грубый, необузданный» (Сл. Ожегова), напротив, отталкивает. Так автор скрыто говорит о непривлекательности и дикости самого помещика, что сразу же бросается в глаза. В основе значений остальных прилагательных находятся такие семантические признаки, как «большой размер», «прочность» и «основательность». Таков же и сам хозяин. Ср.: «...посреди виднелся деревянный дом с мезонином, *красной* крышей и *темными* или, лучше, *дикими* стенами, — дом вроде тех, как у нас строят для *военных* поселений и *немецких* колонистов» [6, с. 124]; «Двор окружен был *крепкою* и непомерно *толстою* деревянною решеткой. <...> На конюшни, сараи и кухни были употреблены *полновесные* и *толстые* бревна, определенные на *вековое* стояние» [6, с. 124–125]. В тексте перевода используется эквивалентная или близкая по значению лексика. Так, прилагательное *дикий* передается сочетанием прилагательного и причастия *grob behauen*

(«грубо обтесанный»); прилагательное *полновесный* — прилагательным с усилительной частицей *so schwer* («такой тяжелый»); прилагательное *вековой* — сочетанием существительного и глагола *die Ewigkeit überdauern* («просуществовать вечность»). Ср.: «...in der Mitte stand ein Holzhaus mit einem Obergeschoß, einem roten Dach und dunkelgrauen, grob behauenen Wänden, ein Haus von der Art, wie es bei uns für Militärsiedlungen und deutsche Kolonisten gebaut wird» [7, S. 111 – 112]; «Der Hof war von einem festen und unmäßig dicken Holzgitter umgeben. <...> Für die Pferdeställe, Schuppen und Küchengebäude waren *so schwere* und *dicke* Balken verwendet worden, als sollten sie *die Ewigkeit überdauern*» [7, S. 112].

Хитрость, наглость и проницательность как черты характера Собакевича скрыто представлены главным образом посредством лексики (сочетаний глаголов и существительных), используемой в сфере торговли. Ирония достигается путем антонимичного сопоставления словосочетаний *доставить удовольствие, но совершить купчую; писать расписку, но видеть деньги*. Ср.: «Убыток, да нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему. Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтоб все было в порядке» [6, с. 138]; «— Да позвольте, как же мне писать расписку? прежде нужно видеть деньги» [6, с. 139]. В тексте перевода значение лексических единиц передается эквивалентно. Ср.: "Für mich ist das ein Verlust, aber ich habe nun mal so einen Hundecharakter, ich kann gar nicht anders, ich muß meinem Nächsten *eine Freude machen*. Außerdem muß doch auch, denk ich, *ein Kaufvertrag abgeschlossen werden*, damit alles seine Ordnung hat" [7, S. 127]; "Aber gestatten Sie, wie kann ich denn dann *eine Quittung ausstellen*? Zuerst muß ich *das Geld sehen*" [7, S. 129].

Таким образом, неявная оценка, представленная посредством иронии в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», ярко отражена в характеристике помещиков. Лексические средства выражения иронии репрезентированы в поэме набором существительных, прилагательных, глаголов и их сочетаний, создающих оценочную основу иронических высказываний. Семантика лексических единиц, используемых для представления того или иного персонажа, отличается особой окраской и коннотацией в зависимости от оценочной позиции писателя. При переводе на немецкий язык лексические экспликативы иронии передаются очень близко к оригиналу, однако переводчик вынужден в некоторых ситуациях прибегать к лексическим заменам в силу того, что ирония как способ импликации и форма авторской оценки отличается сложностью декодирования и интерпретации.

Список сокращений

Сл. Даля — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1957 — 1961.

Сл. Ожегова — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 2007.

Сл. Дудена — *Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. CD-Version: Bibliographisches Institut GmbH, 2012.

Список литературы

1. *Коковина Л. В.* Модальные значения уверенности — неуверенности в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводах на английский язык (функционально-семантический анализ) : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2013.

2. Королева О.А. Ирония в «малой» прозе Джерома К. Джерома и английская литературная традиция : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.

3. Мирзоева Л.Ю. Категориальные особенности оценки и их представление в современной лингвистике // Вестник Карагандинского университета. Сер. : Филология. 2012. №2. С. 4–9.

4. Слепцова М.А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

5. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999.

6. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1972.

7. Gogol N. Die toten Seelen. Berlin, 1978.

42

Об авторе

Елена Васильевна Булатая – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: bulataya87@mail.ru

About the author

Elena Bulataya, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: bulataya87@mail. ru

УДК 81'255

Р. Гайда

ЯЗЫК ПРОГРАММИРОВАНИЯ И ПЕРЕВОД

Рассмотрены некоторые вопросы перевода технических текстов, в частности, в области программирования. Внимание уделяется проблеме перевода текстов ИТ-сферы с учетом фактора многозначности некоторых англоязычных терминов. Особую сложность представляет их адаптация к системе принимающего языка. От переводчиков, работающих в сфере информационных технологий, требуется высокий уровень компетентности в области информатики. Только это гарантирует правильный выбор стратегий перевода, направленных на прагматическую адаптацию текста.

The article deals with some issues of translating technical, in particular, programming texts. The author pays special attention to the polysemy of certain English IT terms. An important problem is adapting such terms to the system of the target language. Translators working in IT are required to have extensive expertise in informatics. Only this will guarantee the choice of a translation strategy adequate for the task of pragmatic adaptation.

Ключевые слова: язык программирования, перевод кода, способы и приемы перевода, прагматическая адаптация, англоязычные заимствования, ИТ-терминология.

Key words: programming language, translation of code, translation methods and techniques, pragmatic adaptation, English borrowings, IT terminology.